

Сергий Чернец

Детство разное бывает

Сергий Чернец

Детство разное бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389252

ISBN 9785449669773

Аннотация

Воспоминания разных людей, встреченных на моём жизненном пути. У каждого своё и непременно дорогое детство босоное... Все его вспоминают с любовью и тоской.

Содержание

Детство разное бывает	5
Пролог. Зарница	5
Как я полюбил химию	9
Воспоминания о походе на рыбалку	12
Жарким летом	18
Бабушки и внуки в деревне	22
Часть 1 Объяснение	22
Часть 2 Местность	23
Часть 3 Люди	25
Часть 4 Много событий	27
Часть 5 Разговор о внуках	32
Часть 6 Прибыли внуки	38
Часть 7 Лес и малина	46
От автора	54
Рассказ про Женьку Иванова	56
Часть 1	56
Часть 2	59
Часть 3	64
Часть 4	67
Отступление	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Детство разное бывает

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-4496-6977-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детство разное бывает (У одного такое у другого другое).

Школьные годы чудесные...
Эпиграф

Пролог. Зарница

В маленьком провинциальном городке, в школе на окраине учился мальчик Сережа. Был такой предмет по школьной программе – НВП, начальная военная подготовка, который нравился всем мальчикам. Там учили разбирать автомат Калашникова, ходили в тир стрелять из малокалиберной винтовки. Учили пользоваться противогазами, и оказывать первую помощь пострадавшим. Девочки учились делать перевязки, накладывать шины на сломанные руки и ноги. Но весной еще проводилась Военно-патриотическая игра Зарница.

И в тот год, в Апреле месяце вся школа готовилась к этой игре, к Зарнице. Игру решили проводить за городскими домами, в поле, около маленькой речки. В нешкольное время, в выходной день, в субботу, все ребята пришли на край заснеженного поля. Старшие классы начали строить из влаж-

ного снега 2 крепости: красных и синих. Младшие ребята тоже им помогали. По условиям игры всем нашили на плечи погоны, небольшие тряпочки на оба плеча. Этим заняты были девочки. Погончики пришивать было велено несильно, чтобы можно было их легко оторвать. Если отрывался один погон, то считалось что участник «ранен», а если оба погона терялись – «убитый» выбывал из игры.

И у Красных и у Синих были построены снежные лабиринты и высокие крепости, над которыми развевались флаги. Команды начали «военные действия, стали кидать в друг друга снежками. Синие несколько раз подбегали близко к «Крепости» красных. А крепость Красных стояла почти у берега маленькой речки, покрытой льдом. Атаки предпринимали и Красные, всем руководили учителя. Во время «атаки» ребята боролись в поле и срывали друг у друга погоны. У «синих» было много «раненых», и «убитых». Но вот Сережа предложил своему «начальнику», учителю физкультуры, свой план победы: обойти противника под берегом реки и напасть сзади на их «штаб» и захватить флаг. Берег реки порос кустами и деревьями и их не будет видно. Сережа был за проигрывающих «синих». Собралась команда из нескольких мальчишек, и они побежали и спустились к речке. Чтобы их не заметили, пришлось отойти далеко от места, где проводилась игра. Река в этом месте делала поворот, и небольшой омут отдалял весь путь команды Сережи, он был назначен командиром.

Обходить широкий круглый омут по берегу речки было бы долго, а идти по весеннему льду, покрытому снегом, было опасно. Но Сережа «приказал», как командир, чтобы ребята шли через омут по льду. В прибрежных кустах тальника мальчики выломали палки, чтобы проверять лед впереди себя. Так они вышли на реку, перепрыгнув уже тающие закрайки, где лед ломался под ногами. Первым шел Сережа. За ним все остальные. Медленно, они дошли до середины реки, и тут лед начал трескаться. Но легкие ребята проскочили трещины и ускоренно стали идти к берегу. Они почти бежали, уже не друг за другом, но каждый по своему пути, разойдясь вдоль течения речки. Сережа выскочил на берег первый, за ним стали выходить другие ребята. И тут все увидели, что последний неуклюжий толстяк провалился под сломанный лед. Мишка, их одноклассник, был неуклюжим увальнем, и звали его «за глаза» – «Жирдяем». Его веса хватило, чтобы проломить лед недалеко от берега. Тут Сережа бросился на помощь. Он упал на лед, покрытый снегом, и пополз к образованной полынье. За ним пополз еще один и еще другой, два мальчика. Жирдяй выставил руки пытаться выбраться, но соскользнул в воду, потому что лед был мокрый. Сережа успел схватить его за руку. А его самого, Серёжу, уже тянули за ногу мальчики, что были позади. Так они тянули цепочкой Жирдяя из воды.

Пришлось им мокрыми возвращаться бегом в свой лагерь. И в тот раз в Зарнице победили Красные, команда Сережи

проиграла. А их одноклассник заболел. Он не был отправлен в больницу, но просто не пришел в школу. К нему домой отправились все ребята, после уроков. Это был Миша Столяров. И они подружились с Сережей и дружили потом всю жизнь.

В школьные годы мы находим хороших друзей. Миша Столяров много раз выручал меня в моей жизни. И я помогал ему бескорыстно и от всей души. Когда мы собираемся на праздники, иногда вспоминаем свою историю из детства.

Конец.

Как я любил химию

В нашем классе никто не любил химию. Особенно разные формулы. Но странный случай произошел в начале учебного года, осенью. Три друга, встречались мы после школы на пустыре возле стройки. Юрка Медведев, Вован Иванцов и я, Серёга. Вован был у нас заводилой. Он придумал, узнал где-то, что «карабит» взрывается. И «достал» он этот «карабит» на стройке. Это были комки похожие на мел, только чуть темнее и кристаллические как соль. Мы сложили их в бутылки из-под шампанского, налили туда воды. В воде «карабит» зашипел. Заткнутую пробкой бутылку Вован еще встряхнул и бросил в строительную канаву. Через минуту произошел взрыв. Бутылку разорвало. И тут началось. И Юрка и я тоже стали делать «бомбы» из бутылок с «карабитом». Так мы тренировались, взрывая бутылки пока не кончился «карабит».

Зачем нужен был этот «карабит» никто не знал. Но его было много на стройке. Он хранился в сарае-складе около будки-вагончика строителей. На стройку пробрались мы легко, сломав доску в заборе. И также сделали со складом, оторвав доску от гвоздей снизу, так, что она висела на одном верхнем и отклонялась, оставляя щель. Самый «тонкий» был я, и я полез за этим «карабитом» на склад. Нашел я бочку, закрытую плотно крышкой. А в углу у дверей нашел и монтировку

из арматуры с острым концом, чем и открыл её.

Потом я еще и еще лазил на стройку на склад. И многие школьники просили у нас этот «карабит», а мы давали им понемногу, пока не случилось несчастье.

Пацаны из младших классов, из 2-го или 3-го, тоже всё узнали и увидели, как взрывать «карабит» и где-то его нашли, скорее всего там же на стройке. Но у них не получался взрыв. То мало насыпали или пробку слабо заткнули. Тогда они насыпали много и забили деревянную пробку кирпичом плотно и еще стали трясти бутылку в руках. Она и взорвалась на уровне лиц столпившихся мальчишек. Одному выбило глаз стеклом, а другим порезало лица. Так всем стало известно, что «карбид» опасный.

А в школе провели урок химии, где учительница объясняла нам, что такое «карбид» – какая происходит реакция. Этот урок-объяснение проводили в присутствии завуча и еще представителя от милиции. Предупредили всех, особенно мальчиков об опасности игр с «карбидом».

Учительница химия предложила нам прочитать книжку «Занимательная химия», остаться после уроков и провести интересные опыты. Так открылся новый факультативный кружок. И мы подготовили «показательный вечер» (в современной трактовке – шоу), где проводили занимательные химические опыты. Из чашки с реагентом вдруг поднимался густой серый дым, как змея кобра, следуя за движениями руки. Я так увлекся этим, что стал главным «лаборантом»

и многие показательные опыты проводил сам. Выступления наше проходило в актовом зале школы для всех, были там и родители, и мои мама и папа. Химия стала моим увлечением на долгие годы, если не сказать на всю жизнь.

Опыты в занимательной химии были такие:

Невидимые чернила, когда писали на бумаге светлой жидкостью, а потом сбрызнув водой появлялись красные буквы.

Изменения цвета жидкости в колбе: жидкость сначала зеленая, подносим руку, она меняет цвет на красный, на желтый если рука другого человека.

Полимерные червяки: вырастают на ваших глазах, и их можно унести с собой.

Бурление без кипячения. Или примораживание стакана к поверхности подноса, даже в углу к стенам дома.

И еще много-много чего интересного.

Сегодня все эти опыты можно найти в интернете на сайтах «Занимательная химия».

А книжка по таким опытам была еще 1970-го года.

Конец.

Воспоминания о походе на рыбалку

А как было в детстве радостно собираться в поход с отцом на рыбалку. С вечера мы укладывали рюкзаки. Разбирали снасти, удочки тогда были бамбуковые и леска, намотанная на крючки, портилась, – приходилось её менять, а значит, всю снасть переделывать: просовывать ниппель-держатель для поплавка, крепить грузило и привязывать крючки.

Ехали мы на поезде. Поезд уходил ночью, в 1 час. Приезжали мы утром рано, еще до рассвета. И шли мы в сумраке по лесу. Солнце восходящее мы не видели, светлело в лесу медленно, а идти было долго 6 километров. Выходили на берег быстрой реки, когда солнце уже всю освещало желтый песок на пляже перед перекатом. Выбирая место для рыбалки, мы еще немного шли по берегу реки, заваленному упавшими бревнами. И когда, наконец, у очередного омутка мы останавливались, бросали рюкзаки и спешили с удочками к реке, сама природа настораживалась все затихало, казалось, начинался процесс рыбалки!

Звуки природы, конечно, были. Река шелестела струями воды, натываясь на коряги упавшие и образуя ямы за ними. Птицы пролетали над водой, пропищав, или стрекотала сойка на другом берегу. Но все уже не имело значения и на все звуки внимание мое не отвлекалось. Я занят был удочкой, потом насадкой, потом измерением глубины, регулируя по-

плавок на снасти. И когда уже закинул удочку – внимание было только на воде и на поплавке, в ожидании поклевки!

Рыбалка, говорят, это страсть! И да, еще какая страсть, оказывается, в детстве это ощущение сильное и особенно страстное! Природу начинаешь замечать в процессе! Всё взаимосвязано воспринимаешь!

Я видел синюю птицу! Она прилетела и села на корягу, торчащую из воды напротив меня в нескольких метрах. Она посидела чуть-чуть и улетела, но принесла мне удачу: я поймал крупного окуня и начался клев. Рыба попадалась одна за одной! И я понимал так, что все не случайно.

Песчаный берег реки всякий раз менялся. Там, где мы были в прошлом году, река стала широкой, обрушился в воду лес. Но в этих упавших в воду деревьях скапливались косяки рыбы. Они находили там корм. А песок под корягами быстро размывался водоворотами воды и под ними образовывались ямы глубокие, где и скапливалась рыба. Только вечером мы находили место для ночлега и раскладывали лагерь. Ставили палатку, разводили костер, варили уху и чай. Чай из свежих смородиновых листочков с цветами. Этот аромат не забудешь никогда. Аромат дымка сосновых веток и запах смородиновых листочков!

В вечернем небе, в светлую лунную ночь, особенно прекрасно было звездное небо! Звезды были яркие, и млечный путь виден был как туман через все небо. Я лежал у потрескивающего костра и отдыхал после бурного дня, наполнен-

ного приключениями. Вспоминались ящери, во множестве бегавшие по корягам на берегу. На той стороне реки на берег выходила лисица, понюхала песок и, посмотрев на меня, убежала обратно в лес. Птицы все время услаждали слух своим пением: садилась маленькая птичка с красным животиком на ветку и ну, давай выводить свои веселые трели. Меня они не особенно замечали, так как я замирал, держа уже рукой за удилище, воткнутое в песок, когда поклевка началась. Я выжидал очередную рыбу, которая уже должна была утопить поплавок, который начал колебаться на воде. Рыбалка – это страсть! И страсть, думается мне, хорошая!

Лежа на песке у костра, я так и засыпал под эти переживания дня. И сон тот был благодатный! Песок мы нагревали костром, потом передвинув костер в сторону, стелили на горячий песок ветки лапника, собранного заранее. Так отец лечил ревматизм свой, который доставал его в старости. А мне, юному пацану, всё нипочем.

Мы поехали в выходные дни, и у нас была суббота и воскресенье полдня. На другой день я пошел «искать рыбу». За день я прошел по берегу в обе стороны и посетил старицу, где видел диких уток с выводком утят.

Там, на старице, по верху плавали крупные и красивые рыбы: красноперки. Пытался я их ловить на свою удочку. Но они видели меня и видели мою удочку и уплывали, не желая клевать, ловиться! И, вдруг, в стороне, я обнаружил ручеек, соединяющий старицу с основным руслом реки и в его

течении, в небольших ямках, плескаясь, плыли те же красноперки. Руками я их выкидывал на берег, тех, кого успел застать в мелком этом ручье. Тогда я поймал штук 5 довольно крупных рыб-красноперок!

На обратном пути к нашей стоянке, в лесу, я видел зайца, который почему-то выскочил из леса на крутой берег реки. Увидав меня, услышав, он без оглядки кинулся обратно в лес. А сколько ягоды было в прибрежном березняке. На полянках, среди берез, я нашел много земляники. В болотистых и низких местах там росла и черника. Набирал я ягоды в горсть и отправлял в рот, наевшись, с пойманной рыбой пришел я к нашему стану. А тут отец удивил меня своим уловом: он поймал с утра 4 огромных леща, круглых как сковородка. Всю рыбу мы пересыпали солью и сложили в толстые целлофановые пакеты. Привязав веревкой, все пакеты с рыбой мы закопали глубоко в песок у самой воды. Так они сохранятся дольше. У воды песок был холодный, и это служило нам холодильником!

Рыбалка шла своим ходом. Я пристроился на яме перед самым перекатом. И в очередной раз мне повезло. Попался лещ. Но на крутой берег я побоялся его тащить. И пошел я вдоль берега к пляжу к мелководью. Лещ, между тем, утомился борьбой, и выплыв на поверхность лег плашмя на воду и плыл туда, куда я его тянул. Вступив на песок пляжа, я поскользнулся, и чуть не выпустил из рук удилища. Что-то попало мне под ноги, под гладкие кеды. Леща я вытянул

на берег, все-таки, и, оставив его лежать на песке, пошел посмотреть: что же там заставило меня поскользнуться. Я увидел часы, они лежали стеклом вверх, вот я и поскользнулся об стекло! Часы с желтым корпусом, возможно позолоченным, я побежал показать отцу. Как потом выяснилось, это действительно были позолоченные часы и рабочие, не сломанные. Их я носил потом в школу и вообще, всем хвалился, что их принесла мне «Синяя птица», которую я видел на рыбалке.

По дороге домой мы встретили в лесу лося, с большими рогами он вышел нам навстречу по дороге из-за поворота. Но уступил нам путь и отошел в сторону. Далеко он не ушел. Только мы прошли, лось вновь вышел на дорогу и, повернув голову, смотрел нам вслед, пока мы не скрылись!

Надо сказать о том месте, куда мы ездили рыбачить с отцом. Это место почти заповедник. И действительно, рядом с заповедником есть лесопитомник. Там выращивают деревья. Срубают в лесу делянки и сажают там маленькие сосны, ели, и лиственные породы деревьев! Лесопитомник отгорожен от дороги забором из арматуры сваренным. Так что пройти туда запросто нельзя! Но в заборе погнута арматура и проделаны дыры, через которые и проходят желающие! Территория лесопитомника большая в несколько гектаров вдоль реки. Вот и получается, что мало там бывает туристов и отдыхающих. Так что и мусора там нет, и природа остается нетронутой.

Река же течет по границе лесопитомника и иногда на той стороне бывают рыбаки и отдыхающие, которые приезжают на машинах. Но отцу не нравилась суeta и шум туристов, и он выбрал отдых в тишине, на лоне природы. В заповеднике, конечно, нельзя многое, но рыбачить на реке не запрещали. Можно было попасть на территорию заповедника, переплыв реку. Природа к людям ближе и люди добрые становятся ближе к природе.

Конец.

Жарким летом

В один год было жаркое лето. И поехали мы на телеге за сеном в поля. Было душно и почему-то уныло. Выехав на поле из притихшего в жару леса, еще более тишина и зной одолели нас. Быстро бежит телега наша, трясаясь по неровностям полевой дороги. И открывается вид на светлое белёсое небо, на равнину и холмы вдалеке.

В траве не слышно обычной музыки кузнечиков, птичка не пролетит и зверь не проскачет, тот же заяц, все спрятались от жары. Но вот показались серые грачи, от нечего делать перелетающие с места на место, и те все похожие друг на друга и делают поле еще однообразнее. Полетел ястреб над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг остановился в воздухе, точно запнувшись и размышляя. Потом встряхнул крыльями и понесся над полем стрелою, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно, а вдали показалась речка. К ней то и ехали мы на телеге, чтобы загрузить стог три дня назад собранный из скошенного просушенного сена на заливных лугах.

Ехать нам еще долго — поле оказывается большим и огромным, и мы уже час изнываем от жары, даже по лесу проезжая не могли укрыться от солнца пекущего открытое пространство дороги. И лошадь бредет потихоньку, а возница не гонит её, зная, что ей еще трудиться придется вести

назад груженую сеном тяжелую телегу.

Для разнообразия у дороги мелькнет камень, белый, похожий на череп погибшей скотины. В овражке, что проезжали стороной, росли высокие кусты тальника. И дальше по дороге – опять бежали мимо глаз и бурьян, и холмы, и эти грачи серые, откуда их столько много в полях?

Но вот, слава богу, навстречу нам ехал воз огромный с сеном. На самом верху лежала какая-то баба, молодая девка. Сонная, также изморенная зноем. Лошадь сама шла по знакомой ей дороге, а девка отвернулась от всего и запрокинула руки за голову лежа сверху на мягком сене. Наша телега аж взвизгнула, боком прошаркав с возом, а колючие бока сена задели возницу.

– На людей едешь, пухлая – закричал возница – Ишь рожу-то раскорячило, словно пчелы искусали – и как он сам пропустил, что не повернул свою лошадь пропустить встречный воз, сам-то спал вероятно.

Девка приподнимается на локте, сонно улыбается и, шевеля губами, опять ложится... Звуков её голоса не слышно, из-за жары воздух сделался такой густой, что и звуки не передает на расстояние.

И вот на холме перед длинным пологим спуском к реке показался одинокий тополь; кто его тут посадил (тополей нигде по всей округе не водилось) и зачем он здесь – бог его знает. От его зеленой стройной одежды трудно оторвать глаз. И счастлив ли этот южный красавец, а пирамидальные топо-

ля растут в южных странах? И летом зной, и дожди осенью, зимой стужа и метели. И страшные тёмные ночи, когда видишь только тьму и завывания ветра только слышны, а главное — всю жизнь один и один...

За тополем дорога пошла вниз, и лошадь понесла резвее, чуя близкую воду реки, где ей непременно дадут напиться. У протоптанной дороги сено было скошено, а подальше вдоль осоки и камышей водной стрелки, извивающейся голубой змейкой, маленькой усохшей на лето речки косили человек шесть косарей высокую, выше их колен траву. По движениям баб, за косарями раскидывающих, ворошащих сено видно было, что зной и их жжет и душит. Косари, сверкая мышцами голых торсов, взмахивали косами в такт одновременно, все вместе издавая слышимый тут в низине звук: «вжжи, вжжи!».

Черная собака с высунутым языком отделилась от баб и косарей и бежала к нашей телеге, вероятно, с намерением залаять, но остановилась на полдороги и равнодушно глядела на возницу, грозящего ей взмахом кулака: жарко и лаять-то. Возница остановил у сметанного абы как стожка, и, спрыгнув с телеги, взялся за вилы. Спрыгнул и я, мальчишка, в яркой красной с мелкими цветочками рубахе. И что мне бабушка сказала её одеть? Одна баба приподнялась, отковыряния в траве руками, в наклон, и, взявшись обеими руками за измученную поясницу, смотрит на мою рубаху долгим взглядом. Может ей красный цвет понравился, или вспом-

нила она про своих детей, которые бегали сейчас в деревне, оставленные без надзора, только долго стояла она неподвижно и смотрела на нас.

А мы с возницей укладывали сено рядами: втыкали вилы в стог и, согнув, отрывали «шмат» от него перебрасывая на телегу.

Это был первый год, когда мне исполнилось 14, и я работал в колхозе, помогая возить сено с лугов, потом и в коровнике, в телятнике помогал. И заработал я тогда немного денег за летние каникулы, и все их отдал бабушке своей, что было огромной помощью: пенсия колхозная её была в два раза меньше городской – 32 рубля по тем деньгам. Так, в 14 лет, я стал рабочим и зарабатывающим.

Конец.

Бабушки и внуки в деревне

Документальный рассказ

(рабочее название)

Часть 1 Объяснение

В немецком языке есть буквы с двумя точками над ними. Точки называются – умляут. Есть «а» умляут и есть «у» с двумя точками, умляут. Звук «у» умляут изображает промежуточный звук между «у» и «ю», почти «ю», но не «ю».

Такие же буквы есть в языке одного из малых народов, живущего в лесах Предуралья, в лесах таёжных. И названия деревень и названия рек на их языке трудно произносимы, потому что согласные звуки тоже отличаются своеобразием, как в немецком языке. Например, «н» и «г» совмещаются и произносятся вместе, получается новый носовой звук, такой, что русскому человеку и/или человеку другой национальности трудно произнести «нг», звук такой.

Например, слово означающее «любимый друг», (понятнее по английскому понятию – «бой френд»), звучит «танг» на языке того народа, – и последние две буквы произносятся одним звуком. Танг – мой друг, тангем – мои друзья.

Выучить местный язык можно легко, но вот определённые

звуки, совмещенные буквы и буквы с точками произносить, научиться очень трудно, почти невозможно, поэтому чужого человека, человека другой нации узнавали все местные сразу.

Часть 2 Местность

Среди лесов, от подножия уральских гор растущих, через весь край земли протекает река «Элнэт» с быстрым течением, потому что течет река под большим уклоном к равнине Волги-матушки и впадает в нее. И по этой реке раньше сплавляли деловой лес плотами, хорошие кедры и строевые сосны.

Рядом с рекой была в лесах деревня – «Элнэттюр», вот тут это самое у с двумя точками. Элнэт – название реки, а «тюр» – это краешек, край, как край стола, край доски. Смысловой перевод слова «Элнэтюр» будет такое: на краю речки Элнэт. А в дальнейшем всё окружающее носило отпечаток этой деревни: например, лес окружающий назывался элнэтюр чодра, где «чодра» – лес.

Ниже по течению реки, на крутом берегу реки, на горе стояла деревня Ерюмбал – Ерумбал, (потому что «у» с точками значит «ю»), которую люди неместные называли и Ерымбал из-за произношения. «Юмбал», вместо ю, звук «у» с точками, – означает «сверху». А «Ер» – значит река и вообще водное пространство, потому что и озёра называли «ер». Как

раз напротив деревни Ерымбал было озеро Кугуер, где «кугу» означает – большое. Большое озеро в итоге.

А рядом с озером другая была деревня небольшая – Пюнчетюр, произносилось как «пюнчдедюр», буквы «ч» и «д» произносились вместе, особым звуком. В озеро Кугуер впадала речка маленькая, от нее деревня начиналась, поднимаясь на косогор. И эта же речка малютка вытекала из озера, петляя и неся свои воды через леса в реку Элнэт.

Деревня Пюнчедур (так произносимая) в переводе значила: пюнче – сосна, кедр, а «тюр» – как краешек полотна, как край подола платья, как край скатерти на столе. И получалось – край соснового лесного полотна, подразумевая, что сосновый лес за деревней огромный, как скатерть расстеленный по всей земле, и можно было пойти по нему до уральских гор и до самой Сибирской тайги, тут тайга и начиналась.

Чуть повыше по течению маленькой речки, метров 800, начиналась и другая деревня, под углом тянущаяся от реки на тот же косогор – Юрдур (юртюр). Юр – в переводе дождь, а тюр, как известно – край, и выходило край дождя. Видимо дожди всегда приходили с этой стороны.

Обе деревни Юрдур и Пюнчедур в середине соединялись длинной улицей, образующей треугольник – Изи урем (изи – маленькая, урем – улица). В треугольнике были огороды стыкуясь заборами – от Юрдурских домов и от Пюнчедурских.

Изи урем, как гипотенуза треугольника, была больше и длиннее, чем деревня Пюнчедур, в два раза, а длиннее Юр-

дура ненамного на домов 5 – 6.

Теперь нужно описать расстояния и расположение всего этого, что мы только что узнали. Итак: течет река Элнет через дремучие леса. Среди лесов и заливных лугов – большая деревня Элнэтюр. А от нее в 10-ти километрах ниже по течению, на крутом берегу, на горе стоит деревня Ерымбал. От нее в 3-х километрах в стороне, на равнине, то есть надо спуститься с горы, находится большое озеро Кугуер. На другом берегу озера, у впадения маленькой речки в озеро, начинаются две деревни Пюнчедур и Юрдур, соединенные улицей Изиурем (ом).

От Пюнчедура до Ерымбала – 3 километра, учитывая подъем в гору, а минуя гору до Элнэтюра 12 километров.

И вокруг леса, леса и сосны, и везде леспромхозы и лесопитомники, Лес вырубает, и лес вновь сажают, везде в лесу делянки и посадки, где сосны растут рядами.

Часть 3 Люди

В деревне Пюнчедур, недалеко от начала её, через песчаное поле от реки, домов пять от края, в домах напротив, через дорогу, по которой по деревне ездили машины, пробившие колею в песке, – жили две пожилые местные женщины.

Одну, что в доме с правой стороны улицы, звали Андранватэ (ватэ – пожилая женщина). Другую, в доме с левой стороны – звали Миклай-кува (кува – переводится, как очень

пожилая женщина, «старуха»).

И к ним приезжали внуки – уныка-шамыч (уныка – внук, шамыч – множество, буквально). Они обращались к взрослым женщинам по местному выражению: по имени с приставкой «ака». Ту, что называли Миклай-кува (то есть женщина Миклая) на самом деле звали Анай-ака. А у той, которую называли Андрон-вате (женщина, жена Андрона), было имя Салика-ака. «Акай» – так обращались к девушкам молодым, это обращение сокращались, убиралось и-краткое на конце и звучало благородное ака: например, Вероника-ака или Светлана-ака, – получалось выражение, переводимое как Вероника-тетя, то есть тетя Вероника или тетя Светлана.

Внука у Миклай-кувы звали Изэрге – буквально маленький сын, «изи» – маленький, эрге – сын. А внука у Андрон-ватэ звали проще – Роман.

А кроме этих, в деревне жили другие люди, колхозники и обращались они уважительно к двум пожилым женщинам-пенсионеркам: Анай-ака и Салика-ака, потому что только между собой можно было говорить немного пренебрежительно – женщина Андрона, или Андрона жена – Андрон-ватэ, и старуха Миклая – Маклай-кува, тоже сказать было нехорошо.

Часть 4 Много событий

К приезду внуков обе пенсионерки готовились заранее. И по утрам выходили они поговорить.

Ранним утром, когда солнце еще только высывало свой сверкающий край из-за леса, деревенский люд выгонял коров на улицу. Пастух щелкал кнутом вначале деревни, и проходил по улице, прогоняя и собирая выгнанных коров в единое стадо на другом конце деревни, и затем гнал их на выпас, через лесные поляны, к дальним заливным лугам у выхода маленькой речки из озера Кугуер. Надо сказать, что в деревенское стадо, кроме коров выпускали и овец и коз, и за этим мелким скотом одному пастуху было не уследить. Поэтому подпасками ходили деревенские мальчишки и двое и, в некоторые года трое. Их родители посылали: и заработок небольшой и при деле, вроде как, а не бегает бездельником 14—15 летним.

Над воротами и калиткой, на высоких квадратных столбах, оббитых досками, длинная крыша. Она была так высоко, что в ворота под ней мог проехать воз сена на телеге. Ворота были не новые, доски серые, и незаметны узоры, вырезанные на них сверху: большой круг, шар, посередине, разделяющийся пополам на обе створки ворот и еще маленькие шарики на обеих половинках ворот только и были видны. Присмотревшись можно было узнать большую виноградную

ветвь, с кистями ягод, изображенную по верху ворот, вырезанную из досок. Это Андрон построил, в свое время, такие ворота с узорами. Он был известный плотник по деревне и украшал ворота и дома местных жителей. Вокруг окон добротного, из толстых бревен, дома Андрона резные наличники, покрашенные синей краской, радовали рисунком: и квадратики и ромбики в форме листьев на них вырезаны были рукой мастера. Окна многих домов в деревне были в его наличниках, которые делались по заказу жителей.

Андрон-ватэ открывала высокую калитку с резным верхом и выгоняла корову. Сама она становилась тут же на улице, опершись спиной о столб. А вслед за ней выходила собака и садилась у её ног, и выходила кошка и садилась рядом с собакой на задние лапы.

Пастух, прощелкав своим кнутом внизу деревни, громким звуком «выстрелов» сообщая о своем приходе, поднимался медленным шагом вслед за коровами, овцами и козами, которые выходили из ворот и калиток домов. И он каждый раз видел эту идиллическую картину: слева стояла у ворот «семья» Андрон-ватэ, а справа Миклай-кува со своей такой же семьей, провожавшие свою скотину.

Это надо было видеть: стоят две старушки, каждая у своих ворот, рядом у ног сидит собака, из стороны в сторону крутящая головой, а рядом с собакой кошка, также наблюдающая за идущей по дороге скотиной.

Миклай-кува провожала свою козу, коровы у нее не было. Анай-ака, прозванную как Миклай-кува, с которой первой поздоровался проходящий мимо пастух, он шел по ее стороне деревенской улицы, – на самом деле звали Анна Ивановна Смирнова. Пастух с большим уважением, с поклоном головы даже, приветствовал Анну Ивановну: «Поро эр лийже Анай-ака!» («пусть будет утро добрым» означало это на местном языке: поро – доброе, эр – утро, лийже – пусть будет).

Была когда-то Анна Ивановна молодой, здоровой, красавицей, не как сейчас, старенькой сухопарой и сутулой, с длинными руками и седыми волосами, проглядывающими из под платка, сбитого на бок при хозяйственных работах. Она была учительницей начальных классов в трехлетней деревенской школе в соседнем селе Ерымбал, что в трех километрах на горе. А потом трехлетку закрыли, и она пошла работать в колхозную полеводческую бригаду. Но и там она стала бригадиром и получала награды за выращенные сверх урожая свеклы и капусты, и её портрет красовался на доске почета перед правлением колхоза.

Пастух пожилой мужик, родившийся сразу после войны, застал Анну Ивановну учительницей, тогда все деревенские дети учились у нее, и знал её бригадиром-полеводом, когда работал под её командованием – возил на поля удобрения. Как и вся деревня, он уважал Анну Ивановну.

И, наоборот, с легкостью и улыбкой махнул он рукой в сторону Андрон-ватэ: «Салам, поро эр Андрон-ватэ!» –

сказал пастух и прикрикнул на коров своим обычным: «Эй-эх! Пошел!». Сразу же, словно заразился веселием, он щелкнул кнутом, проделав эквилибристические движения: два шага вперед, с заносом рукой кнута впереди себя на дорогу, и, отступив на шаг назад, – резкое движение, дергание рукой в сторону, за спину. От чего длинная «веревка», прокинутая впереди дергалась в сторону, издав громкий звук «щелчка», в утреннем воздухе звучащего как выстрел.

Салика Эриковна Почмына – была типичной представительницей местной национальности женщиной, всю жизнь проработавшей в колхозе: и на фермах, в телятнике, и в полях, на прополке и уборке урожая. В молодости пухленькая круглолицая она была веселой заводилой и пела и плясала на всех национальных праздниках и, особенно на местных свадьбах, на которые ездила по всем близким деревням. И сегодня её считали «знатоком», знающим все обряды старины. У неё хранились свадебные одежды, и в клетях был сундук с манишками из серебряных монет, поясов с теми же монетами. Хранились цветастые платки и с вышивками сарафаны в шкафах, стоящих в той же клетке. Она, в свое время, была активисткой художественной самодеятельности при деревенском клубе и часть костюмов и украшений передали ей на хранение. Любое мероприятие, например, «праздник цветов», начала лета и цветения проводили каждый год в первое воскресенье июня, а также свадьбы и другие мероприятия – все не обходились без уча-

стия Салика-ака. Она всё организовывала и сейчас, выглядя в свои пенсионные годы намного моложе своих лет. Она же, Салика-ака, одевала наряды девушкам и молодым женщинам к свадьбе: на грудь – манишку из монет, которые звенели во время танцев, и на голову особые кокошники, также украшенные монетами.

Она же была заводилой и запевалой на свадьбах, учила пляскам и танцам молодых, всегда сама удивительно живая и веселая. Её муж – Андрон, мастеровой колхозный плотник и кустарь-резчик, тоже всегда веселил народ. Но он на всех праздниках и свадьбах непременно напивался. Его часто находили «в канавах» и приносили домой, и помер он рано, сгорел от вина, от местного самогона: первач, бывало, гнали под 70 градусов, – вот и не выдержал организм от постоянных пьянок. Так Салика Почмына овдовела, когда только вышла на пенсию. Две дочери её, к тому времени, уехали в город, там вышли замуж и обзавелись внуками, которые приезжали на лето в деревню.

У Анны Ивановны тоже была дочь, которая жила в городе. Дочка пошла по её пути и, окончив пединститут, работала в школе, завучем. Она привозила внука Изэрге (бабушка настояла, чтоб так назвали внука) к бабушке на всё лето. Муж Анны Ивановны был старше её намного, на 15 лет, и умер он своей смертью от старости. Он работал трактористом в колхозной МТС (машинно-тракторной станции). И хоронить деда приезжал семилетний внук, только пошед-

ший в первый класс, зимой, в самом конце декабря. Тогда они встретили вместе Новый год: зять с дочкой и внук. Изэрге так просился, что родители оставили его на все зимние каникулы у бабушки.

Маленьким, он был в деревне только летом, а зима – среди леса и у речки, игры с местными ребятами, ему очень понравилась. Он ходил с ними кататься на деревянных самодельных дедовских санках. С крутого склона прямо на лед реки, по которому шустро и далеко катились разогнавшиеся санки. Со многими ребятами он подружился надолго. Изэрге полюбил деревню и деревенскую жизнь. Он уже не хотел ехать в пионерский лагерь, куда его один раз отправляли по путевке от профсоюза отец с матерью. И все другие годы он непременно ехал к бабушке в деревню на все летние месяцы каникул.

Обе пожилые женщины ждали внуков и, конечно, их разговор об этом и шел.

Часть 5 Разговор о внуках

Анна Ивановна и Салика Почмына подружились через внуков своих, которые по-детски были дружны.

И Рома и Изэрге были – «городские» и выделялись среди местных деревенских. Не только одеждой, а одеждой в первую очередь, например, в деревне никто из мальчишек не носил шорты, а у обоих «городских» на лето были шор-

тики и не одни. Выделялись они и привычками и знаниями: например, телевизоров в деревне было немного, были, но не у всех, и мультики смотрели не все ребята деревенские, смотрели, но не все. А уж тем более, они не запоминали, не знали многие фразы и выражения героев мультфильмов. Это особенно было заметно, когда Рома и Изэрге переглядывались между собой, заговорщически, когда Изэрге, а он больше всего любил острить, произносил какую-нибудь мультфильмовскую фразу, сказанную героем мультфильма. Изэрге мог напевать песенку мышонка: «Какой чудесный день, какой чудесный пень, какой чудесный я и песенка моя!». Рома легко его понимал, и они прыгали вокруг большого пенька на ярком солнце летнего дня. А в грустный пасмурный день, когда они сидели у окна и смотрели на лужи и на ручей, текущий по улице от проливного летнего дождя, Изэрге говорил и рассказывал наизусть из мультфильма про Винни Пуха про Ослика Иа:

«Старый ослик Иа стоял на берегу ручья и размышлял о странностях жизни: «Странное зрелище, душераздирающее зрелище, кошмар!» – и он говорил это, выделяя букву «р», подделывая голос. – «Ослик переходил на другую сторону ручья и вновь смотрел в воду: «С этой стороны, ничуть не лучше, чем с той! А все почему? И-и по какому случаю? И какой из этого следует вывод?»».

Изэрге очень нравились эти слова и само рассуждение Ослика из мультфильма со скрытым юмором. У Изэрге бы-

ла отличная память, и он очень любил читать книжки. Про Винни Пуха он именно прочитал. И в этом была заслуга его бабушки, бывшей учительницы начальных классов. Это она читала с ним книжки с самого раннего возраста, сначала читала бабушка вслух, пока он сам не научился читать в 4 годика. У них в доме стоял книжный шкаф, и было много книжек. Многие мультики показывали истории не так, как написано было в книжках. Про Винни Пуха, например, показывали Ослика, стоящего у озера, а в книжке написано было про ручей...

После обычных приветствий и расспросов о делах и о хозяйстве, обе пожилые подруги вошли в дом Анны Ивановны пить утренний чай и отведать блинов, которые уже успела испечь шустрая хозяйка. Салика Почмына часто гостила в доме Анны Ивановны, и пока они говорили о хозяйстве: «кур накормила, и даже кошке молока налила, как корову с утра подоила», – Салика-ака распоряжалась с чайником и чашками на столе: налила чай в бокалы. Пока, в это время, Анна Ивановна около печи возилась с блинами: перекладывала часть их из большой стопки на блюде, на другую большую тарелку, чтобы поставить на стол. Блины она в печи оставляла, чтобы не остыли. И сели они за стол и говорили о внуках, вспоминая, что с ними приключалось, какие огромные переживания они доставили бабушкам.

Наш человек начинает разговор о том, что к нему близко

в данный момент. И общий разговор у нас не идет «по накатанной дорожке», а перескакивает «с пятого на десятое», не как школьное сочинение по плану. Всплывает в разговоре слово, фраза-выражение, и вместе с ним всплывает воспоминание. Так и разговаривали бабушки: то об одном, то о другом, – слово за слово цеплялось, – спонтанно.

– Нынче огурцов посадила больше, уж очень внук их любит – сказала Анна Ивановна.

– Да. И у меня есть две грядки длинные – отвечала Салика-ака, – Но рассада у меня заболела, – не вся прижилась, погибли некоторые при пересадке. —

– Не в тот день ты, наверное, садила. На растущую луну надо было садить, – отвечала Анна Ивановна и спросила, «важное» вспомнив, – а как болезнь-то у твоего Ромы-то? Эта «рожа» ведь может и повторяться, не сразу вытравишь её. И медицина лечит плохо: одни антибиотики только. —

– Ох, Анай-ака! Нечего на медицину надеяться. Мы же, – ты помнишь, как позвали Эрченей-кува-то к нам? Тогда в бане парили травами какими-то. Дурман травой что ли примочки делали. И отвары из трав я делала, знахарка мне давала, – и Салика качала головой в чувствах, переживая за внука своего.

– Да уж. Эти национальные обряды ваши, что-то шептали – заговоры делали там, опасаясь я, – аж плечами передернула Анна Ивановна, будто из-за внутренней брезгливости.

– Ничё-ничё! Они, обряды-то старинные. Я их сама знаю

много. Но только не по лечению, а всё только про женитьбу, да, как мужика найти, гадалки разные. От матери знаю все. А эта Эрченей-кува (эр – утро, чен – истина, точно), муж у неё колдун Эрчен был, – Салика даже наклонилась и перешла на полусшепот, понизив голос. – Она лечит всех давно, никто не знает, сколько ей лет, может, говорят, и лет 200 уже живет эта Эрчен-кува! —

– Да, ну! Скажут тоже... – отвечала Анна Ивановна.

– Да. Она и травы собирает по лесу, да по оврагам. Там, за лесом у нас, в Тымаш-нуре (по-смыслу – дальнее поле, нур – поле) источник есть, Васлий-памаш. И вода там лечебная, говорят. А к этой Эрченей-кувай все люди ходят, со всех деревень, со всякими болезнями. Одну девочку, вон, с Ерымбала носили. Девочки почему-то чаще болеют такой «рожей» – краснухой. Её полгода врачи в больнице лечили и уколы и всё ставили. А эта «краснуха» или «рожа» – по рукам да по ногам пошла, и в подмышки залезла. Девочка у них всё плакала да плакала, руки опустить не могла: подмышками всё покраснело да опухло, было! Мать-то и забрала её домой, чуть только полегчало в больнице. Так и принесли с поднятыми руками. Эрченей-кува компрессы делала из прополиса и травы, с порошком, как мел такой. Это она из камней делает, около Васлий-памаша собирает мел тот. Вылечила ведь! И дней 10 не прошло! А уж язвы были, как чирьи! – рассказывала Салика.

– Да. Вот и у моего Изэрге чирьи были прошлый год. Ку-

пались они в августе, после Ильина-то дня, вот и выскочили на заднице ему! Как бы стал он в школе-то сидеть, за партой-то?! И я их протыкала все, чтобы гной выпустить. Быстро они созрели. А он скрывал еще, не говорил, молчал, пока уж сидеть не вмоготу стало. Я вот мазями, да йодом вокруг, мазала. И зажило, как на собаке! – вспомнила про своего внука Анна Ивановна.

– Да! Собака-то наша, Мухтар наш черный, тоже ждет видеть! – за слово зацепилась Салика, – Он все лает на велосипед почтальона Андрашки нашего. Письмо привозил он, Андран-вачи наш (Андрей был почтальон деревенский, а «вачи» – так звали юношей, по смыслу переводится как брат: Андран-вачи получается – братец Андран, измененное от русского имени Андрей).

– Ага. Вот и мне Изэрге написал, что велосипед привезет на лето, по деревне кататься. Маленький ему купили – «школьник» такой, – сказала Анна Ивановна, услышав слово и вспомнив про письмо внука.

– Ой! Сам тебе пишет ещё? А мой-то не такой грамотный. Читать не любит. Ему на лето привозят даже учебники, чтобы готовился к школе, а он всё бегаёт. Не как у тебя: и читает и пишет письма! Такой умный растёт! – похвалила Салика внука Анны Ивановны.

– Ладно уж, хвалить-то. Вон уже и солнце выше поднялось. Пойдем, что ли поливать грядки. Сорняков нынче мало. Сухо весь май было, вот и не взошли, – вставала из-за

стола Анна Ивановна, отставив выпитую чашку, – Брось. Потом уберу! – сказала она Салике-акай, которая взялась отнести свою чашку с ложкой на кухню к умывальнику.

– Ничего-ничего! – Салика —ака все-таки отнесла чашку и поставила на столик на кухне, – У меня там низинка есть, там и сорняков хватает, несмотря на жару.

Так и поговорили ранним утречком две пожилые бабушки. Во дворе их ждали две собаки: рыжая с подпалинами, пушистая Кнопка Анны Ивановны и черная гладкошерстная Мухтар. Собаки сидели рядом высунув языки, каждая смотрела на свою хозяйку: они были дружны со щенков.

Часть 6 Прибыли внуки

Прошло уже много времени с рассвета, роса с листьев деревьев и кустов смородины в палисаднике высохла, испарилась, свежий воздух утра высох и застыл, природа приняла свой неестественный, для этого времени года, унылый вид жаркого лета. Говорят, лето жаркое, если зима холодная и наоборот.

Природа периодически, примерно лет в сто или пятьдесят, меняется и делает нам сюрпризы. Зима была невероятно морозная, температура падала до минус 50 градусов, а уж под 35 и под 40 минус было чуть не все зимние месяцы. Это также было морозно, как при нападении французов, Наполеона на Москву. Когда войска французские, остались без

должного снабжения продовольствием: так как дорог в России «отродясь не было» и все Белорусские леса были в болотах. А тут и природа зимой так подморозила, что оголодавшие французы вымерзли суровой русской зимой. Как будто специально было и 40 градусов и более. Но можно оставить историю в покое, что было – то прошло, а то можно найти много совпадений и построить параллели и разные теории открыть: циклы и прочее.

А вот лето – против зимы, выдалось в тот год необычайно жарким и засушливым, что привело к пожарам, горели леса и торфяники.

И вначале июня дождей было мало. Когда Анна Ивановна направилась к колодцу, солнце уже поднялось над лесом за огородами и ярко осветило весь двор. Оставались в тени только грядки клубники в дворовом палисаднике, заслоненные высоким хлевом. Построен хлев перпендикулярно дому и почти примыкал к сараю, который, в свою очередь, был продолжением дома, торцом к улице поставленного, так, что крыльцо посередине его выходило во двор. Напротив крыльца через двор, сужая его, красивый невысокий плетень отделял палисадник, в котором росли яблоньки, вишни, и несколько больших кустов калины: «их дед из леса принес давным-давно», как бабушка рассказывала внуку.

Между хлевом, отделяющим огород, и между сараем была калитка, ведущая в огород. А в огороде, сразу от стены

хлева шли грядки стройными рядами, за которыми уже картофельное поле начиналось.

Вот сюда-то и направилась Анна Ивановна с коромыслом на плечах с двумя ведрами воды. Она боком вошла в калитку, распахнув её настежь, так что та ударилась о лавку, с которой упали пустые лейки. У стены хлева сделан был навес от дождя и лавка длинная под ним, на которой стояли пластиковые ведра с ковшом и лейки, приготовленные для полива. В другом конце длинной стены хлева – виднелась большая куча навоза, под окном, закрытым дощатой крышкой, в которое его и выкидывали. А за кучей бочка, прямо под дождевым сливом. Вода в бочке была, но Анна Ивановна накидала туда навоза, изготавливая «коровяк». – Это средство служило удобрением, и только раз в неделю, по ковшику черпая из ведра, она поливала под огурцы, под каждый корень. А капусту и другие посадки: свеклу и морковь, поливать надо было только раз в месяц.

У Анны Ивановны было много книжек о садоводстве и огородничестве. Даже выписывала журнал «Огородник». Так что всё у неё в огороде делалось строго по науке и приметам, вычитанным из книг.

Огороды, вспаханные и засаженные картошкой, тянулись от домов к самому лесу и представляли единое поле, – не было никаких изгородей и заборов. Разделялись соседние друг от друга межей, – поросшей травой, непаханой тропинкой.

По этим межам и ходили в лес и на дорогу, идущую вдоль лесной опушки.

Напротив огорода Анны Ивановны был поворот дороги, ответвление, уходящее в лес. Эта дорога лесная вела в район, и по ней раньше ездили молоковозы с фермы, пока не построили окружную дорогу через колхозные поля, которая хотя и была лучше и ровнее, но была длиннее намного. Старая лесная дорога петляла между лесными оврагами, была короче, но со спусками и подъемами. Молоко перестали возить по лесной дороге из-за того, что оно взбивалось, пока его доставляли на Молокозавод, и окружная дорога по полям, в обход леса и оврагов затем и стала основной.

И по той, старой лесной дороге, которая начиналась, через опушку перед лесом, от огорода Анны Ивановны, – приехала грузовая машина, которая везла какие-то материалы для «кузни», ремонтной мастерской, что стояла около реки. Из кузова, остановившейся на опушке леса, машины спрыгнул отец, а Изэрге подавал ему вещи, сумки и рюкзак, и главное велосипед «Школьник». Мама вышла из кабины грузовика. Поблагодарив шофера, они пошли к огородам через полянку, перелезли через изгородь из длинных поперечных палок. Изэрге вёз свой велик по меже, с трудом протаскивая через траву: сам шел протоптанной узкой тропинкой, а велик сбоку колесами давил высокую траву, чертополох и крапиву.

«Межу надо бы прокосить» – заметил отец, уже предвидя работу себе на выходные. Вначале огорода специально был

посеян клевер, и он вырос уже высокий, готовый к первому покосу, – это трава для козы. А мама уже думала сходиться в лес, – «прогуляться», уже могла быть ягода земляника на светлых лесных полянках. Июнь уже заканчивался.

Первый месяц школьных каникул Изэрге пришлось-таки провести в пионерском лагере «Строитель», – путевку дали отцу на работе. И поехал он туда с большим неудовольствием. С 3-го до 28-го он был в пионерском лагере на озере Кичиер, и это особая история, достойная отдельного рассказа: как Изэрге не ужился с коллективом ребят сверстников своего отряда, и как он «убегал» из лагеря и бродил по лесу несколько дней. Его искали и нашли, когда он вышел из леса к неблизкой реке и по ней вышел к мосту, на дорогу в 10-ти километрах от пионерлагеря.

Это лето радовало Изэрге теплыми и даже жаркими днями. А велосипед, с таким упорством привезённый им, (как он мечтал в городе, что будет кататься по деревне на велике) почти совсем ему не пригодился. Когда родители его уехали, за воспитание Изэрге взялась бабушка. Она запретила ездить далеко от дома: «Если в лес поедешь, оставишь велосипед, потеряешь его. На речку поедешь, там мальчишки старшие сломают или утащат и украдут твой велосипед!» – говорила бабушка. Рома и Изэрге катались на велосипеде по оче-

реди на улице, недалеко проезжая от домов и вверх и вниз по деревенской дороге. Изэрге слушался бабушку. Еще он слушался бабушкиных наставлений в том, чтобы на велосипеде внук ездил только по протоптанной дороге, потому что в песке может оказаться острый предмет (стекло или гвоздь) и тогда проткнуться покрышки на колесах, колесо выпустит воздух и ездить на велосипеде уже нельзя будет. Бабушка сама накачивала насосом колеса велосипеда, Изэрге не смог, у него плохо получалось.

Так оно и вышло, колеса проткнулись, когда они ходили в магазин, в свой деревенский.

В первых числах месяца (с 3-го по 5-е) Андран-вачи, почтальон, привозил бабушкам пенсию. Вот он ездил на велосипеде далеко, правление колхоза и почта были в Ерымбале, на горе. Почтальон крепил большую сумку с газетами и журналами и ехал по деревням, в Юрдур и Пюнчедур, это был его участок.

Когда бабушка получила пенсию, она стала собираться в магазин, сказав, что купит конфеты для Изэрге. Но и он напросился, и захотел поехать на велосипеде. Бабушка тогда еще раз сделала внушение: «Где он оставит свой велосипед? Около магазина? А там проходящие мальчишки его утащат, украдут!». – Изэрге придумал что ответить: «Я тогда не пойду внутрь магазина с тобой, а буду вокруг кататься и тебя подожду».

Две деревни под углом сходились к речке, к мосту по до-

роге на Ерымбал.

У реки была «Кузня» -мастерская, небольшая конюшня, со стороны Пюнчедура. А со стороны Юрдурра было футбольное поле с воротами и небольшой деревенский магазин, который работал не всегда: продавщица жила в Юрдуре, и днем могла уйти надолго домой к себе, заниматься хозяйством. Но в день пенсии, о котором знала, магазин работал весь день. В магазине было всё вместе: тут же были и крупы, и зубная паста, и мыло, тут же продавался хлеб, сушки и батоны – и гвозди и молотки, и пила с ножовками. А чего в магазине не было, – то можно было заказать: продавщица записывала, и из района привозили. Два-три раза в неделю привозили продукты и промтовары на машине-фургоне. Привозили в основном хлеб, и то, что заканчивалось, и что заказывала продавщица.

Вдвоем они пошли в магазин. Изэрге ехал на велосипеде: обгонял бабушку и уезжал далеко вперед, а потом возвращался к ней, объезжал её вокруг и вновь уезжал вперед. Так и катался всю дорогу кругами.

В конце деревни был небольшой пруд, – это яма, довольно широкая, всегда была заполнена водой и осока росла по берегам. А в тот год пруд обмелел, и осока пожухла и пожелтела. А илистое дно пруда, открывшееся на мелководных участках, высохло и потрескалось твердой коркой, как в пустынных солончаках.

Стояла страшная жара, а в воздухе висела какая-то марь,

колеблющаяся дымка. Это от реки испарения воды ставили такую маревую завесу. Страдала вся природа: неслышно было кузнечиков в траве, и мухи и комары не летали, как обычно у реки, даже птиц было не слышно. Далекие звуки отдавались гулом, где-то проезжающая машина звучала на далекое расстояние.

Изэрге катался сначала по дороге к мосту и обратно, к магазину. К мосту, на небольшом уклоне, велосипед набирал большую скорость, и это было интересно. А обратно, в горочку да по песку было трудно подниматься. И тогда он, в другой раз, решил прокатиться вокруг магазина. Он поехал по траве сзади магазина, и тут случилось то, что «предсказывала» бабушка. Кто-то из «алкашей» колхозных выпивал тут же за магазином и разбил бутылку. Изэрге не заметил осколки стекла сразу, увидел их только потом, когда проехал по ним и колесо велосипеда проткнулось об острые края стекла, лежащего в траве. Он проехал круг, до крыльца магазина и, уронив велосипед, вращал колесо, в этот момент бабушка выходила из магазина с сумкой с покупками, и тут Изэрге заплакал, глядя на бабушку и показывая рукой на проткнутое колесо. Это было горе, «великое» горе для маленького мальчика, – так, что бабушке пришлось его успокаивать. А купила бабушка самые дешевые конфеты, по 80 копеек за килограмм, – подушечки «Дунькина радость». Карамельки такие, обсыпанные кристалликами сахара, с начинкой повидлом внутри. Они были цветные: зеленые, желтые

и оранжевые, еще и белые с полосочкой цветной посередине. Даже эти подушечки, две штуки за обе щеки, не могли успокоить горе Изэрге: он вел, тащил, свой велик и слезы катились у него из глаз, всю дорогу до дома он хныкал.

– Ничего-ничего, – говорила бабушка. – Будете с Ромой Почмыном на речку купаться ходить. Я договорилась с Женькой Яковлевым, – он постарше, они возьмут вас с собой в другой раз.

Пришел и Рома со своей бабушкой, и тоже горестно воспринял это известие: заднее колесо велика проткнулось. Салика-ака, между тем, разговаривала с Анай-ака о какой-то поездке. Можно было заплатить шоферу 5 рублей, и он их повезет туда и обратно. А собрались они ехать в Элнетюр-чодра, в лес, где на многих делянках растет много дикой малины. Поездка намечалась на выходной, который был уже завтра.

Часть 7 Лес и малина

Территория лесопитомника, примыкающая к реке Элнэт, была большая. А леса, начинающиеся тут, шли до самых Уральских гор. Это был еще смешанный лес, но тут были огромной площади сосновые леса, здесь начиналась знаменитая Тайга. И всегда на лесных вырубках высаживали ряды маленьких новых сосен.

Вырубки, открытые площади очищались, и пеньки

с остатками земли и веток, бульдозерами сталкивались на один какой-нибудь край. Так образовывались валы, длинные бугры среди леса: посаженные деревья вырастали в большие стройные сосны, а валы зарастали травой и малиной. Кроме того малина росла на неожиданных лесных полянах в смешанном лесу, образованном березками и осинами.

В глубине сосновых лесов Элнэтюр-чодра встречались овраги, и вдоль их краев росла еще и дикая смородина, и черная и красная.

В этот край богатый ягодами и решили ехать и поехали Салика-ака с Анной Ивановной. Они брали с собой обоих внуков. Шофер, согласившийся их везти на колхозном грузовике, пригласил еще двух женщин, своих соседок, а в кабине с ним ехала и его молодая жена. У каждого было по ведру, а у кого и по два ведра, взяли и сумки с провизией. Стройная команда погрузилась в кузов грузовика, где поставлены были лавки. У кабины и по боковым бортам тоже.

Всё было бы хорошо, но сначала лета объявлена пожаро-опасность лесов. Леса в этот год горели. И часто человеческий фактор был тому причиной. Говорилось, что и от брошенной стеклянной бутылки могла загореться трава: солнце палило со страшной силой, а вогнутое стекло от бутылки служило линзой и поджигало сухую траву, не говоря уж о брошенных окурках. В лес ходить было запрещено.

Страшные пожары были вокруг города и во многих рай-

онах. Дым от пожаров ветром сносило на городские кварталы. Горели торфяники, ранее осушенных болот. На дорогах и федеральной трассе от дыма утратилась видимость. А в городе от смога нечем было дышать.

Огонь лесных пожаров угрожал деревням и поселкам. Так, например, случилось великое горе: огонь из лесов вокруг посёлка Сурок перекинулся на дома. Ветром принесло из леса горящие ветки. Один за другим дома были охвачены огнем, и вскоре горел весь поселок. Люди брали свои вещи, документы, и кто в чем одет, выбегали из домов. По улице ветром раздувало головешки и жаркое пламя, горели деревья вдоль дорог и тротуаров, полыхали палисадники и яблоневые сады на огородах. У людей, бежавших по улице, вспыхивала, загоралась одежда, огромные языки пламени от горящих домов лизали улицы. Жители бросились к единственному водоёму, к круглому озеру в центре поселка, они стояли в воде, кто по колено, кто по пояс с чемоданами и сумками. Пожарные машины не справлялись, пожарная машина поселковая сама загорелась. Огонь, распространяемый сильным ветром, спалил поселок дотла. Весь поселок превратился в кучи головешек и угля. Этот поселок был в 40 километрах от города. Потом понаехали скорые и пожарные. Жителей с ожогами увозили в городские больницы! Поселок полностью выгорел.

Все организации города посылали своих рабочих на тушение пожаров, была мобилизация населения. И со строй-

ки послали на пожары отца Изэрге. Недалеко от поселка Сурок горели торфяники, сплошным дымом покрывая окрестности, что и в двух метрах не видно было ничего. Работали люди в противогазах. Бульдозеры прокладывали защитные полосы, разгребая землю, очищая землю от низкорослых деревьев, кустарников и травы, вдоль линии огня горящего леса. И один из тракторов провалился в яму с огнем, – торф внизу, под слоем почвы выгорел, и тонкий слой земли не выдержал вес трактора и рухнул, трактор провалился. Погибли два тракториста, выбраться из огненной ямы, как из пекла с горящими углями не было никакой возможности, яма была глубокая.

Деревня Юрдур находится далеко от города. По дорогам посмотреть километраж – 120 километров. До федеральной трассы – 60 километров и еще 60 километров по трассе. Так что около реки Элнэт не было в тот год пожаров. Однако, патруль егерей иногда стоял около поворотов с основной асфальтовой дороги в густые леса. А все съезды с дороги в лес были загорожены шлагбаумами, специально построенными.

Машина с толпой женщин в кузове проехала мимо поворота на деревню Элнэтир, дома которой от дороги были видны. Потом проехали и поворот на лесопитомник, в который вели красивые железные ворота. А дальше повернули на грунтовую дорогу, ведущую в лес, и остановились у шлагбаума.

Идти пешком, от дороги в таежные лесные делянки было далеко. Шофер хотел было открыть шлагбаум, свежий из белых ошкуренных брёвен, некрашенный, – но он был заколочен на большие гвозди, поперечное бревно было приделано наглухо, и убрать его было нельзя, не сломав.

Оказывается, их машину увидели из домов лесопитомника и через пару минут к ним подъехал «козлик», газ-69, с тентом зеленого камуфляжного военного цвета. Сам егерь приехал поинтересоваться. Егерь – этот пожилой мужчина оказался жителем Ерымбала, той деревни, где Анна Ивановна учила в начальной школе местных ребят, когда-то давно. И егерь её узнал сразу, он учился в школе у Анны Ивановны.

Когда он узнал, что они едут за малиной и, поддавшись на все просьбы и уговоры, егерь разрешил им ехать в лес. Предварительно сделал он внушение, что они не будут разводить костер в лесу.... Он показал шоферу, где можно объехать шлагбаум: надо было проехать под откосом дороги, по краю леса и там была едва заметная среди травы колея объезда главной грунтовой дороги.

Знакомство, а по простому – «блат», открывают многие двери, преодолевают многие запреты, и так было и есть и будет, наверное, всегда. По благу можно купить, приобрести, достать – любой дефицит. И пока никто не знает: плохо это или хорошо.

Один человек говорил: «посмотрел я как-то в энциклопедии

дии слово дружба и не нашел его: есть остров Дружбы, есть футбольная команда Дружба, а дружбы будто бы и не бывает». А вообще-то «дружба» – это один из видов близких отношений людей. И дружба не всегда бескорыстна, очень трудно найти истинную дружбу.

Поэтому знакомство более часто встречается среди людей, бывает и «дружба» преследует определенные цели: деловые, основанные на общей деятельности; рациональные, ориентированные на обмен знаниями и информацией; эмоциональные, связанные с удовольствием от общения; нравственные, направленные на взаимное совершенствование. В реальности эти цели обычно тесно переплетены. Отсюда и возникает – пресловутый «блат».

Лес прекрасен сам по себе. А лес, выращенный заботливыми руками, прекрасен еще более. Проехали на машине по лесной дороге мимо посадок-делянок, где сосенки, уже высокие и стройные, красивыми рядами радовали глаз. Остановились у первого тупика перед оврагом. Тут, около столба, на котором были обозначены участки, высадились. Решили держаться вместе, и пошли в лес. Первый малинник – это открытый бугор на большой старой вырубке. Тут все пошли собирать малину. Изэрге не отходил далеко от бабушки, у него было маленькое ведро – пятилитровое. Малины было немного, это был первый сбор, Изэрге заметил еще много зеленых ягод. Люди уходили всё дальше вдоль выруб-

ки. А они с бабушкой немного отставали от остальных, впереди всех был его друг Рома.

Случилось так, что Изэрге перелез через бугор на другую сторону и там собирал малину. И вот тут произошло событие, имевшее далекие последствия, которое изменило отношение к жизни Маленького Изэрге. После этого он стал другим человеком.

Пожары лесные прогоняли зверей с насиженных мест, из мест своего обитания туда, где пожаров не было. У них в районе появились волки, рассказывали пастухи их видевшие...

А может быть, это было его постоянное место, – но малину собирали не только люди, в малинник пришел медведь. Он, наверное, давно видел людей, но не хотел уходить. И когда люди ближе подошли к месту, где он кормился – медведь решил их прогнать. Он приподнялся на задние лапы, и передние поднял вверх, показывая какой он огромный, и зарычал угрожающе. Он готов был броситься на женщин, застывших и завизжавших от страха. А Рома, друг Изэрге, оказался ближе всех к медведю, и он мог первым пострадать, если бы медведь напал. Этот рёв, крик женщин – услышал Изэрге, который был с другой стороны малинника, недалеко от всех. Медведь уже шагнул пару шагов на задних лапах, как в цирке, и приблизился к людям на близкое расстояние. Рома стоял между женщинами и медведем.

Произошло всё быстро, в течении двух минут. Изэрге

схватил палку, так удачно подвернувшуюся, с руку толщины, длинный ствол упавшего дерева, березки, – и побежал в сторону медведя, спасая в мыслях своего друга. Он кричал со всей силы: «а-а-а-а!», своим высоким голосом и поднял длинную палку над головой.

А медведь был готов уже упасть на все четыре лапы и одной передней лапой целился уже ударить замершего испуганного Рому, застывшего на месте. Медведь никак не ожидал увидеть «воина» -Изэрге, который выскочив на бугор оказался выше его и еще палка в его руках угрожала его ударить. А еще и крик Изэрге. И всё это неожиданное – испугали медведя, и он изменил свои намерения. – Он упал на четыре лапы не вперед, а набок и побежал от людей через вырубку: «улепётывал» медведь, даже не оглядываясь, с огромной прытью так, что скоро потерялся из виду, скрывшись в лесу.

После этого начались «вздохи и охи», разговоры женские. Салика-ака бросилась обнимать своего Рому, а Анна Ивановна поспешила к своему Изэрге. Другие женщины хвалили «победителя»: «молодец...». И рассказывали, как у них «сердце в пятки ушло» и так далее. Шофер же был чуть вдалеке от просеки, он не собирал малину, а ходил по лесу, разыскивая первые грибы. Он бегом прибежал к женщинам и услышал их сбивчивый рассказ об этом событии: как Изэрге прогнал медведя.

Люди решили, что уж больше медведь не придет, и успокоились и сели перекусить, попить чаю. Потом продолжили сбор малины. Под вечер у всех ведра были почти полные, и они приехали домой довольные.

О «подвиге» Изэрге на другой же день узнали все местные жители. Приходили к дому Анай-кува, к Изэрге-внуку, многие соседи. А один из ребят постарше, тот же Женя Яковлев, узнав, что у велосипеда проткнуто колесо, взялся его починить. У него самого был большой велосипед. Он снял колесо и унес его к себе домой, а потом принес готовое.

Изэрге и Рому стали брать с собой на речку, и все местные ребята стали относиться с некоторой долей уважения к маленькому Изэрге. Он стал, (получил эпитеты): «смелым», «героем», «истребителем медведей» и прочее и прочее. Конечно, он и сам поверил про себя, что он действительно герой и смелый.

От автора

Читателям самим можно додумать: кем вырастет наш Изэрге. Может он возгордится и задерет нос, и будет, после этого, ко всем относится свысока, поставив себя на пьедестал? А может обдуманно станет хорошим и смелым парнем, готовым прийти на помощь к людям, попавшим в беду.

Почему наш рассказ называется «документальным», а по-

тому что эта история подлинная. История человека, история событий времени, в которое жил человек. И героев рассказа могли звать как угодно. Многие еще помнят прошедшее время и многие переживали нечто подобное. Поэтому рассказ наш, как документ, как свидетельство о недалеком пока прошлом.

Конец.

Рассказ про Женьку Иванова

Часть 1

Пожилой высокий Семен, прозванный «Профессором», и молодой, на голову ниже, Жека-«татарин», прозванный за знание языка той деревни, где они остановились, хотя он не был татаринoм и деревня была совсем не татарская, а мари́йская, – сидели на берегу около костра на толстом бревне-обрубке.

Семен, которому до пенсии оставалось немного, худощавый на лицо и беззубый, но, в связи с ростом, был широк в плечах и на вид здоровый мужик, был достаточно пьян. Он давно бы уже пошел спать, но в кармане у него была ещё чекушка, которую непременно надо было выпить. Жека был значительно моложе, именно он «бегал» -ходил в местный деревенский магазин и купил эту лишнюю чекушку для Семёна, и что-то он приболел, кутался в свою куртку-пуховик и тянул руки к костру. Ему было лет 30, не более, а при свете костра, он, бледный, с грустной улыбкой на болезненном лице, казался мальчишкой.

– Что-ж ты всё болеешь, – сказал Семён. – Вот оно и полезно будет, давай стаканчики... – предложил он, доставая из внутреннего кармана чекушку. Налили в пластиковые од-

норазовые стаканы, выпили.

– Да вот. Нет у меня иммунитета. Весь убили врачи. Я тут, осенью, в больнице, вообще, ветрянкой – детской болезнью заразился. А началось с лихорадки мышинной. В сады-огороды ездил, картошку убирать, а хранить её в подполье. Залез туда, а там мыши дохлые на досках, постеленных в квадратных закромах. Ну не будешь же на мышей картошку сыпать. Я взял веник и совок, подмел и почистил короба. И надышался пылью от мышинных какашек. На другой день температура 40 и выше..., и тошнило с кровью, туман в глазах – возили по больницам на скорых. То в одну с отравлением, а кровь взяли, определили, и увезли в инфекционное закрытое отделение городской больницы, – рассказывал Жека, поправляя дрова в костре.

– Лихорадка – это, как в Африке? Умирают же от неё? – спросил Семён.

– Там при мне двое умерло. И у меня бред начался было, лихорадочный: я по коридору прогулялся и на столбы наткнулся лбом и падал, видения что-ли были. И понос кровавый. Нам пенициллин кололи. И уже по рассказам узнал, после, что в соседней палате старушка умерла. Она сама просила ей укол пеницилина поставить, ей другой антибиотик кололи, слабенький, типа – амбициллин или что там. Врач рискнул и укол антибиотика убил старуху. А еще от лихорадки этой умер один спортсмен. Накаченный был, здоровый в смысле мышц. Он с температурой под 40 ходил, надеясь

на свой организм и в больницу не обращался долго, а привезли его в бреду и уже не смогли помочь врачи, умер. Вот там мне и убили весь иммунитет, обновили мне весь организм. Клизмы ставили 2 дня подряд и утром и вечером. И кололи всякие антибиотики, убивая бактерии в крови, во всем организме. А тут медичка – медсестра приходила: у неё дома дочка маленькая болела ветрянкой. И медичка принесла бактерии ветрянки – они мне и попались. Я весь в красных точках был и лицо, и спина, и ноги. Спину мне сначала по точкам зеленкой мазали. А потом, другая медсестра, которая мазала, говорит: «что я время трачу на каждую точку, измажу сейчас спину всю – все равно не видно». И как кисточкой стала махать и красить спину зеленкой, – улыбаясь рассказал Жека.

Под горой-спуском светлела поверхность речного льда, покрытого снегом, до самых островов, выделяющихся темными пятнами на фоне широкой разлившейся глади водохранилища. Сюда, в зону затопления Чебоксарской ГЭС приезжали рыбаки на выходные с ночевкой. На заводе выделяли машину – военный фургон, ГАЗ-57, двух-мостовый. В фургоне была устроена печь-буржуйка, с трубой в окно, и с собой рыбаки брали торфобрикеты, которыми топили печку.

В пятницу ночью рабочие завода собирались у проходной. Тянулись с ящиками и бурами по тихим улицам городской окраины. Когда Женя узнал, по объявлению в цеху, что орга-

низуется поездка на рыбалку, он тоже пришел. Тут он познакомился с завсегдатаями, с Семёном и другими рыбаками.

С Семёном они быстро подружились и ходили по льду вместе, по местам одному Семёну известным, между островов. Выходили и на основное русло Волги, на яму семи-метровой глубины, где зимой держался судак, и где Женьке повезло, с его неумением и неимением блесен, поймать, на единственную большую и тяжелую блесну (поскольку на сильном течении легкую блесну поднимало), двух судачков до килограмма весом.

Новое увлечение зимней рыбалкой и новый друг, пожилой умудренный Семён Карлович Помыткин, помогли Женьке обрести в жизни некую уверенность, которую он совсем было потерял. Поначалу, в школьные годы, Женя ещё чего-то ждал и о чем-то мечтал. Но дальнейшие жизненные неудачи и даже страдания, лишили его последних надежд: жизнь была беспросветно серой и блекло однообразной. Это, наверное, трагедия всех молодых (многих), когда смысл жизни утрачивается, когда жизнь приносит одни разочарования.

Часть 2

Семен Карлович взглянул на небо. На очистившийся от туч небосклон высыпали звезды, их было так же много, как в годы его юности. Вокруг звезд, вглубь неба проглядывала такая же чернота космоса, но чего-то не доставало.

В юности и звезды были совсем не такие и небо было чуточку не такое, светлее что-ли. В летние ночи, действительно, черноты космической бывает не видно, но это не то, что сейчас чувствовал, проживший долгую жизнь Семен Карлович.

— Эт-то ты не так думаешь! — сказал он и усмехнулся, пьяной улыбкой выразив скепсис. — Привыкнешь! Ты еще молодой, глупый, молоко на губах не обсохло, и кажется тебе по глупости, что «несчастный я человек»! А время всё лечит, и всё образуется, сам поймешь потом, что живем мы хорошо: дай Бог каждому такой жизни. Вот и я пять раз умирал, калечился, а всё нипочем! —

Выпитое спиртное, (а чекушку они уже допили, еще раз разлив остаток по стаканам), привело Семёна в сонливое состояние. Но молодого Женьку (как он посчитал) спиртное совсем «не взяло»; и наоборот, устроившись в фургоне-вагончике на своем месте в углу, он начал «философски» размышлять о своей жизни. Вот тут, то-ли во сне (а он уснул мертвецки, как говорят, — «вырубился») ему представились яркие картины из его прожитых дней, месяцев, лет..., — то-ли подсознание возвращало ему забытые картины жизни.

Началось всё с воспоминания о 8 классе школы, когда они готовились к экзаменам вместе со Славой Зайцевым, соседом, он жил в доме напротив.

Уже в апреле учителя начали говорить о подготовке к экзаменам. А в мае месяце проводились уроки-консультации.

Ученикам дали список экзаменационных билетов и на консультациях ученики записывали ответы на билеты. Полный список ответов на билеты записал Слава Зайцев. А Женька в мае пропустил школу – он заболел. Заболел воспалением легких. По дурости мальчишеской полез купаться 15 мая, «открывая сезон».

Май в тот год выдался неожиданно-теплым, как летом, но вода-то была холодной, недавно в апреле лед сошел, и муть от талых вод неслась по течению. Они пришли на городской пляж с одноклассниками в теплый день, когда солнце в зените палило и грело по-летнему. И чтобы «не отстать» от других, «показать себя», Женька тоже полез в воду. Всем другим, а купались человек 5, – ничего, только Женька заболел на другой же день, и школу пришлось пропустить.

И поэтому он обратился к Славе. Тот приходил к Женьке домой с тетрадкой ответов на билеты, и они пытались учить даты по истории России, прочитывая, и спрашивая друг друга. А между занятиями они слушали записи на магнитофоне. В те времена было модно собирать пластинки, а ещё переписывать друг у друга с магнитофонных кассет песни «Битлз» и Высоцкого и другие. У Женьки было много разных записей, что и было интересно Славе Зайцеву.

Всё шло той ранней юношеской порой – хорошо и счастливо, Женьке обещали купить гитару. Потому что у Славика была маленькая гитара, с которой он выходил во двор и ребята собирались на лавочке у подъезда и пели «дворовые»

песни. Слава учил и Женьку играть на гитаре, через это всё они тогда крепко подружились.

В один миг пролетели воспоминания в уме Женьки. Но для него (его сознания) это воспоминание было долгим. Он будто заново пережил события своего прошлого: и экзамены, подготовку к ним, и дружбу с замечательным Славой Зайцевым, который играл на гитаре и пел «дворовые» песни. И теплый май, и пляж с желтым песком, купание в холодной воде.... А закончилось всё гибелью друга, Слава Зайцев погиб в те же дни экзаменов школьных, так и не сдав последний устный экзамен по истории, к которому они готовились.

Времени свободного у учеников 8 класса оставалось с избытком: занятия в школе это всего 2 урока консультации, и уже после 10-ти часов утра они были свободны. А поэтому – бегали на стройку, через дорогу от их двора. Там строился автобусный парк, и огромная площадь была завалена кучами песка. В этом песке, как в песчаной пустыне с барханами, ребята играли в индейцев. Со стройки они приносили и доски и палки. Старшие, как Женька и Славик, были «вождями племен»: они строили «вигвамы», рыли в песке «пещеры-землянки». А песок всё подвозили и подвозили грузовики-самосвалы и наваливали кучу за кучей, – надо было покрыть всю площадь до ангаров, метров 300 – 500.

И в тот день они пошли с «мелкими» пацанами к своим

«вигвамам». У самых ангаров на новую кучу песка пытался вывалить еще подъехавший самосвал. Он пятился задом, подъезжая к старой куче и желая наехать на песок, чтобы свой вывалить повыше на кучу. Тут Слава решил перебежать с одной стороны машины, где пассажирское сиденье, на другую. Водитель не смотрел в зеркало на той стороне, он смотрел только в свое зеркало заднего вида, со стороны водительского сиденья. Чтобы заехать на песчаный склон и не буксовать, водитель добавил газ, и машина поехала быстрее. Всё так совпало, что Слава упал, споткнувшись о проволоку, которая торчала из песка: стройка же, и мусора много, его и засыпали песком. Упал Слава Зайцев прямо под задние колеса.

Всё произошло на глазах Женьки, он крикнул: «Стой, стой!» – Славик бежит и падает под колеса, а машина ускоряет ход, водитель газ добавил. . . . Слышен был хруст костей грудной клетки, когда Женька подбежал ближе, желая спасти Славика, – и он увидел кровь и кишки, и внутренности, выдавленные колесами. Машина остановилась, и искорёженное тело оказалось под ней, между передними и задними колесами. Выскочил и шофер, услышавший громкий крик Женьки. И, ужаснувшись картине происшедшего, шофер схватился руками за свою голову и сел на песок что-то бормоча. Голова и руки лежали под машиной, ноги, приподнятые от вдавленности в песок, торчали наружу, а между ними в крови зияли внутренности раздавленного тела.

От ужаса этой картины воспоминаний очнулся Женька от сна своего. Он видимо крикнул во время сна – «Стой!» – да так, что его услышали все другие рыбаки. «Чего там: „стой!“, вставай уже давай!» – сказал ему кто-то. Было утро и многие уже собрались идти на рыбалку. На печке «варился» чайник и уже шипел-свистел, собираясь закипеть. Рыбаки готовились пить кофе. Заглянул в фургон и Семен Карлович, позвать Женьку. Он уже вскипятит чайник на костре на улице, и Женька поспешно вышел за ним к костру. Уже стояли рыбацкие ящики и рядом лежали собранные буры.

– Пойдем-ка мы за белой рыбой, за острова направо, там в протоке между островами сорожка должна быть, – сказал, как решил, Семён. Женьке оставалось только согласиться. Выпили они свое кофе, закусили бутербродами и пошли по льду к островам, до которых с километр – полтора надо было пройти.

Часть 3

Пока шли они к левым островам, Семен вез свой рыбацкий ящик на лыжах, приделанных к нему за веревочку, это новый такой продается, Женька видел в рыболовном магазине. А у самого Женьки ящик был простой, на длинном ремне через плечо. Не зря Семена «профессором» прозвали, он начал рассказывать Женьке рыбацкие премудрости

– Вот, смотри. Места эти зовут «полигоном». Есть правый

«полигон» и слева, за островом, тоже «полигон», – показывал он рукой и туда и сюда в стороны.

– Кто-то говорил мне, так я слышал, что будто бы тут полигон от воинской части был, и поэтому так называли, – усмехнулся Семён.

– Но всё не так. А всё совсем иначе: между островами, которые раньше, до затопления от Чувашской ГЭС, были сопками и возвышенностями, и достаточно крутым спуском сегодняшним – ровные поверхности. Рыбаки проверяли, и где ни бури на этой площади, – везде одинаковая глубина. Полтора, два метра, редко где найдешь яму метра на три глубиной. Так что дно тут ровное, как стол – чисто «полигон» ровный. А между островов протоки есть, где течение сносит груз-мормышку. Только за островами обнаруживается «свал» дна, это выход к основному руслу. Но за островами и течение сильное. А чтобы до русла дойти, до основного, надо от островов отойти на 500 – 700 метров, а то и с километр. Вот там и ямы будут, и судак будет и прочие лещи и густера. А рыба простенькая: окунишки и сорожка все заходят в протоки и на «полигоны». Ведь там и трава и коряги, да пеньки гниют на дне. Так что идем мы всё правильно, между островов – рассказывал Семен.

И еще много полезной информации рассказал он молодому Женьке, делился опытом любительского рыболовства.

Небольшой морозец прихватывал нос и щеки до красноты. Из пасмурного неба, сплошь серого от туч, сыпал снежок

мелкой крошкой, а порывы ветра образовывали в широком поле, между берегом и островами, змейки и легкие текущие струйки позёмки. Без капюшона идти было нельзя. И только когда они зашли за первый неширокий длинный остров, поросший деревьями, ветер стих, и можно было скинуть капюшон и оглядеть окрестности. Они встали, остановились между двух островов, в протоке шириной 150—200 метров и тут решили пробурить первые лунки. Так началась их рыбалка. Она вначале состояла в поиске рыбы. Они шли вперед и бурили всё новые дырки-лунки во льду. В каждой новой лунке вылавливались окунишки: сразу, первые, пара-тройка крупненькие, а потом шла мелочь. Лунки бросали, оставляли, искали рыбу под торчащими изо льда деревьями-корягами, вмерзшими в лед. А «профессор» Семён всё продолжал свои «консультации», поучения, передачу опыта.

После тех выходных, Женька подружился с Семёном Карловичем. У Женьки появился интерес в жизни, увлечение, хобби. Он даже вступил в «Общество рыболовов и охотников», получил рыболовный билет (без права на охоту), уплатив взносы.

Билет давал некоторые преимущества рыбачить и ловить рыбу больше, нежели простой любитель рыболов. По закону о рыболовстве, по постановлениям правительственным, разрешалось иметь 3 крючка в воде одновременно и в день 3 килограмма рыбы вылавливать, а с билетом Общества можно

было иметь до 5 крючков и 5 килограммов рыбы ловить. На водоемах и зимой ходили, ездили на снегоходах инспекторы рыбнадзора.

К этому увлечению Женька отнесся очень серьезно. Он и раньше ходил в библиотеку, в читальный зал, но читал только фантастику и журналы разные просматривал. А тут он нашел в отделе сельскохозяйственном книги про любительское рыболовство. Он прочитал их во множестве и узнал много хитростей рыбацких. Сам начал мастерить дома мормышки и другие приспособления для удочек, вычитав инструкции и руководства мастеров, которые писали о рыбалке свои книги. О рыбе же, о местах её обитания и повадках написан огромный труд Сабанеева: Рыбы России. Это как энциклопедия для рыбаков. Женька приобрел эту книгу, и она стала его настольной книгой, которую он всегда перечитывал.

Часть 4

Не случайно сказано, что всё «серьёзно». «Случайностей в жизни не бывает», – как часто повторял ему друг и наставник Семен Карлович. С той самой первой рыбалки, как они подружились, и стал ему наставником его друг. Он стал прислушиваться к мудрости пожилого своего друга.

Женя Иванов, давно стал серьезным, и что бы он ни делал, ко всему относился серьёзно. Это произошло после ужасной

смерти и похорон школьного друга – Славы Зайцева.

Слава Зайцев жил с матерью, без отца. Как «мать одиночка» она получила квартиру в новом панельном доме в новом микрорайоне, их небольшой городок разрастался стремительно. И работала мать Славы штукатуром-маляром в одном строй-тресте, что и отец Жени Иванова, который был бригадиром и получил квартиру в том же доме, который сам и строил.

В строй-тресте были разные управления – СУ по номерам. И если мать Славы Зайцева работала в СУ-№3, где отделочные работы в приоритете были, то отец Жени Иванова работал «на нулях», возводил фундаменты, в ССУ – 8: специальное строительное управление. Кроме фундаментов, бригада отца Жени проводила водопровод и канализацию во вновь построенные дома. Рабочие-строители не подключали к общей городской сети водопроводы, этим занималось управление водоканала, а только прокладывали новую ветку, подводя её к общим сетям. Женя часто ходил на работу к отцу и много видел, как строили фундаменты, устанавливая блоки «фески» и плиты перекрытия, как рыли траншеи, в которые укладывали трубы, и как выкладывались колодцы, в которых ставились задвижки водопроводных труб.

Семья Жени Иванова, отец в основном, были знакомы с матерью Славика Зайцева, погибшего под колесами самосвала. И конечно, они приняли участие в организации похорон и поминок. Мать Славы, Вера, была подавлена горем.

Она плакала день и ночь. И родни у неё никакой не было, ведь она была детдомовской. Сын для неё был единственной отрадой, ради чего она жила. Потому и горе для неё было безмерным.

Вот тогда, во время похорон, Женя узнал, увидел, каким бывает людское горе: он видел слезы матери, потерявшей последнюю радость и надежду, родного сына. Он видел её крики до истерики и день и ночь её плачь.

Они всей семьей были в квартире Славы и успокаивали его мать. Она громко ревела и билась на кровати: «О-о-о! горе мне, горе! Жизнь моя мне незачем!». А то замолкала, и тупо уставившись в потолок, не реагировала на окружающее. Приходили соседи и подруги, знакомые, успокоить Веру в горе своем (психологов тогда не было, бабушки и пожилые женщины служили успокоителями, и вызывали скорую помощь, ставили успокоительный укол). Но и за гробом в ритуальное бюро ездили Женя с отцом, и поминки устраивала Женина мать с соседками, за продуктами Женя бегал в магазин.

Вот тогда Женя узнал о душе и загробном мире, из разговоров пожилых, и о христианском обряде погребения, читали в доме молитвы и псалтырь какие-то женщины в черном специально приглашенные. На кладбище, он впервые увидел попа (священника), оказалось, что и его мать, и мама Славика и соседки были верующие. Об этом Женя раньше никогда не задумывался, и о религии в их семье разговоров ника-

ких не было. Он узнал, что и его крестили в городской Церкви, которую взорвали и развалили в Хрущевские времена, на следующий год после того, как успели его крестить. С тех пор в городе не было Церквей, ближайшая была в пригородном поселке, в двух километрах от городка. А из большого городского Храма сделали завод-фабрику, снесли все купола, а здания приспособили под цеха.

С детства Женю учили другому, научному: эволюции, и что души не бывает и нет её, что всё это мифы и пережитки прошлого, от пещерных людей. И только после похорон он стал перечитывать книги, полюбил чтение и записался в читальный зал библиотеки. Вероятно, нужен был стресс: переживание ужасной смерти, вид раздавленного тела и крики и плач матери, и молитвы за упокой, – чтобы Женя «взялся за ум». И он перестал играть в детские, юношеские игры с пацанами во дворе, хотя раньше был во многом зачинщик.

Отступление

Как раз в восьмом классе школы появился учебник – «Человек, анатомия, физиология, гигиена», которую Женя перечитал и чуть-ли не выучил. Но понятия в ней о человеке, никак не вязались с обрядами и молитвами, которые он увидел и узнал во время похорон. Тогда ему дали книги религиозные, которые были почти запретные и в которых он прочитал несколько иное.

1). Из религиозных книг:

Жизнь человека на земле ограничена двумя датами: днем рождения и днем смерти. С первым днем мы входим в бытие этого видимого мира, а со днем смерти покидаем этот мир и переходим в иное существование – загробную жизнь....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.